

Вера Попова



**ПОВЕСТИ И
РАССКАЗЫ**

Вера Попова

Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571939

ISBN 9785448361593

Аннотация

Мне нравится настроение автора, с каким он подходит к творчеству. Просто и ясно. Будто говорит вот здесь и сейчас с героем, который среди нас. Читаешь и радуешься или возмущаешься. Или равнодушен. Вот последнее – самое плохое после знакомства с произведением – не зацепило, значит. А ваши рассказы оставляют в душе след после прочтения надолго. Интересно. Дерзайте! Здравствовать Вам и творить! Эмилия Богачёва

Содержание

ЗИМНИЙ ДНЕВНИК БАБУШКИ	35
КОНЕЦ НОЯБРЯ	36
ДЕКАБРЬ	37
ЯНВАРЬ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Повести и рассказы

Вера Попова

*Медикам терапевтического отделения
больницы посёлка Ягодный.*

*История, уместившаяся в три дня
ДА ВОЗНЕСЁТ ВАС ГОСПОДЬ
В СВОЁ ВРЕМЯ*

*«Юность, безгранично прекрасная юность,
когда страсть
ещё непонятна, лишь смутно чувствуется
в частом
биении сердец; когда рука испуганно
вздрагивает и
убегает в сторону, случайно прикоснувшись к
груди подруги, и когда дружба юности
бережёт от последнего шага!
Что может быть роднее рук
любимой, обхвативших
шею, и – поцелуй, жгучий, как
удар тока!»*

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ
«Как закалялась сталь»

ISBN 978-5-4483-6159-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К каждому из нас рано или поздно, – но обязательно, – приходит ОНО – бесконечно прекрасное чувство влюблённости. И не просто приходит, а накатывает, наваливается, обрушивается – именно так. Потом сутки ходишь оглушённый, не понимая, откуда пришло, как появилось; почему горят щёки, колотится сердце, немеет язык, а тело теряет координацию. И вот тут наступает самый главный момент: поймать, ухватить, не отпустить, удержать надолго, окунуться в этот волшебный мир с головой по самую маковку и наблюдать, как начинает меняться мир, как влюблённость превращается в волшебное чувство – любовь.

Иринка бежала навстречу Павлу по залитому солнцем зелёному полю, усыпанному ярко-жёлтыми мохнатыми одуванчиками. Ветра не было, но от её быстрого движения рассекаемый воздух развевал длинные русые волосы и путал подол лёгкого летнего сарафанчика.

– Ты как меня нашёл, Павлик? – спросила она, радостно улыбаясь и протягивая пареньку руки. – Ты что молчишь-то? Во рту пересохло? Жарко сегодня. Пойдём, пойдём, я знаю,

где родничок с холодненькой водичкой из земли бьёт...

Девушка схватила одноклассника за руку и, смеясь, потянула за собой в сторону белоствольных берёзок.

– Эге-гей! – закричала она и вдруг громко запела:

Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново.

Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова...

Замолчала, повернулась к Павлу, глубоко дыша всей грудью от бега и пения и снова спросила:

– Молчишь-то чего, Павлуша?.. Ты заметил, какая красота вокруг? Одуванчики благоухают, трава густая – всё ожило с приходом весны! Надо успеть наглядеться на великолепие природы, ведь это последний наш год. Сдадим экзамены за девятый класс и поедem, кто куда...

Поле кончилось. Негустая берёзовая рощица приняла подростков в свои прохладные объятия. Где-то высоко-высоко в небе чирикали пичужки – было спокойно и хорошо.

– Садись, Павлик, на пенёк. Родничок рядом – я принесу тебе воды, – ласково и заботливо проговорила Иринка и, зачерпнув в ладошки холодной воды из бьющего из-под корней молоденькой берёзки ключика, поднесла к лицу Павла. – Пей. А захочешь, можешь умыться потом...

Павел взял в свои руки импровизированный ковшичек и, опустив в него губы, стал пить мелкими-мелкими глотками, желая продлить блаженство от животворящей влаги, но скорее всего, от тепла Иринкиных рук. Сердце его часто и гулко билось, и он не находил этому объяснения. Всего двадцать

минут назад он наблюдал ангела, летящего ему навстречу в лучах яркого солнца и несущего столько любви, что она обволокла его всего с кончиков одних пальцев до кончиков других. До сих пор ему чудилось, что все их десять подушечек светятся, испуская из-под ногтей крошечные ярко-оранжевые искорки.

Павел был оглушён: как же так, как же он раньше не замечал небесного очарования у такой простенькой на вид одноклассницы Ирки Гловой? А ведь он каждый день видел её в классе, сидящую впереди через парту, видел привычную косу на спине, розовые уши, нежный пушок на щеках и застенчивую улыбку и был убеждён, что влюблён в первую «мисс» школы, дочь завуча, Эльвиру Шумскую, холодно-мраморную, недоступную, вечно окружённую классными «подлизями» и двумя-тремя самыми смелыми школьными поклонниками. Понимая, что его место в любовной очереди к Эльвире стоит на втором-третьем месте сзади, он даже не пытался продвинуться вперёд – чего попусту локтями двигать? Но надежду не терял. И вот...

– Ира, – допив всю воду до капельки и, не желая выпускать рук девушки, глядя снизу вверх в её улыбающиеся глаза, тихо вымолвил: – а где твои крылья?

– Ты что такое говоришь-то, Паш? Откуда у меня могут быть крылья?

– Я видел, Ир! Ты летела мне навстречу, а крылья за спиной были такие... такие... бело-розовые были крылья.

И сквозь них лучи солнца... Тонкие такие крылья, почти прозрачные...

– Скажешь тоже, – засмушалась девушка и высвободила ладошки из рук Павла.

Оба замолчали, но Иринка быстро нарушила неловкую паузу.

– Ты к экзаменам готовишься?

– Честно говоря, с пятое на десятое.

– А давай готовиться вместе? У тебя помимо основных, какие предметы дополнительные?

– История, обществознание.

– Надо же! И у меня тоже! Ну что, согласен?

– Конечно, согласен. А у кого будем заниматься, у тебя или у меня?

– Ну... не знаю, как получится. Я каждый день маме на ферме помогаю сразу после занятий в школе часов до четырёх. Ты приходи ко мне домой к пяти. Придешь?

– Приду.

– Ты сейчас домой?

– Да.

– А на поле-то зачем пришёл?

– Сам не знаю, Ир. Будто позвал кто...

– А я часто здесь бываю. Ферма недалеко. Отпрошусь у мамы на полчаса и бегу сюда: с кузнечиками разговариваю, с бабочками... Я на сегодня работу закончила. Пойдём домой вместе?

Иринка щебетала всю дорогу до самой деревни, сменяя одну тему разговора на другую. Павел же шёл молча, слушал Иринку и думал о том, что нельзя ей замолчать, нельзя, потому как иначе завтра-послезавтра не будет никаких занятий, никаких зародившихся отношений, не будет ничего. Странная мысль...

– Павлик, ты сегодня придёшь или завтра?.. Я тебя третий раз спрашиваю!

– Что? – очнулся он. – А-а-а, конечно, сегодня. Я книги по истории принесу, у меня есть интересные пособия.

– Буду ждать...

Поравнявшись со зданием, в котором располагался сельский магазин смешанных товаров, Павел увидел Эльвиру, выходящую из двери с двумя пластиковыми пакетами.

– Павел! – строгая интонация в голосе одноклассницы очень напомнила юноше её маму-учительницу. – У меня тяжёлые пакеты. Помоги донести их до дому.

«А где волшебное слово „пожалуйста“?» – впервые задумался Павел.

А Эльвира тут же оставила пакеты на крыльце и величественной походкой царицы направилась к небольшому особнячку, находящемуся метрах в ста от магазина. Павел подхватил пакеты, которые оказались совсем не тяжёлыми, и до-

гнал одноклассницу.

– Эля, а ты можешь с бабочками разговаривать? – неожиданно для самого себя спросил он.

– Вот ещё! Я больная что ли?

– А с кузнечиками?

– Фи, гадость какая! Они ещё и кусаются, наверное... Какие дурацкие вопросы ты задаёшь, Павел!

– Ой, прости, Эльвира! – вдруг воскликнул Пашка и смачно плюхнул пакеты в дорожную пыль. – Совсем забыл: меня отец ждёт в мастерской. Я уже почти на час опоздал!

– А как же... я? – открыла свой красивый ротик «мисс школы 2015».

– Сама донесёшь, не барыня чай! – донесся до неё ответ улепётывающего со всех ног бывшего воздыхателя и, как оказалось, совсем не в сторону деревенской мехмастерской.

Эльвира злобно поджала губки, отчего рот превратился в тонкую, чуть заметную щёлку, а сузившиеся глаза полыхнули вслед парню так, что, будь она Змеем Горынычем, вмиг испепелила бы его ярим огнём ненависти. Подняв пакеты, оскорблённая и полная жажды мести красавица впервые понесла поклажу домой в своих собственных холёных ручках. Она поняла, что из-под её власти ушёл не самый плохой парень. Ну уж нет, терять она не намерена никого из своей собственности, пусть даже бывшей!

– Паш, ты на консультацию? – подбежал младший брат-четвероклассник Димка, увидев, как Павел собирает книги по истории.

– Можно и так сказать.

– Ты в школу?

– Димка, чего привязался? Какая разница, куда я иду?

– Разница есть, – стал рассуждать Димка, – если не в школу, значит, это не консультация. Ты идёшь не к Вовке: он историю не сдаёт. У тебя улыбается лицо, а это значит – куда? Ответ: к девчонке. Паш, ты влюбился что ли?

На мордашке брата гуляло такое откровенное любопытство, что старший расхохотался.

– Да ты у нас прирождённый Эркюль Пуаро! Или Шерлок Холмс?

– Мне Пуаро больше нравится. Признавайся: я ведь угадал?

– Ты угадал только в том, что я к девочке иду, к Ире Гловой. Мы вместе историей заниматься будем. Доволен?

– Доволен. А как же эта... гусыня?

– Ты кого имеешь ввиду?

– Эту фифочку, по которой вы все в школе сохнете. – Димка прошёлся по комнате, очень похоже изображая походку Эльвиры. – И что вы в ней только нашли? На мумию холодную она похожа!

– Мумии не холодные, они сухие, – поправил Димку брат.

– Всё равно дохлые. А Ира вся как есть живая. Это хорошо, Паша, что ты её разглядел. Эх, был бы я твоим братом-близнецом, я бы у тебя её обязательно отбил, вот!

– Что бы ты в этом понимал, мелочь пузатая! – Павлу нравился разговор с братишкой.

– Я хоть и небольшой ещё, а понятие у меня есть. Эта глупая Элька вам всем мозги загипнотизировала. Я рад, что ты разгипнотизировался. И ещё, Паша, предупреждаю: брошишь Ирку, я на ней женюсь! Имей это ввиду. Ну, ладно, я побежал к Ваське, он меня ждёт в секретном месте. Маме скажи, я всё сделал, что она велела.

– Беги, беги, жених...

Павел смотрел вслед Димке и удивлялся: десятилетний брат оказался намного умнее и дальновиднее его семнадцатилетних сверстников – бывает же...

Зайдя в дом, Иринка сразу села на стул: сил не было – они ушли на непрерывную болтовню с Павлом. Ей смутно помнилось: она что-то говорила ему, не вникая в смысл, говорила и говорила и понимала, что – если замолчит, то больше не сможет вымолвить ни слова, и их встреча будет первой и последней.

Павлик Синельников приглянулся ей давно, ещё в пятом классе. В мальчугане не было чего-то из ряда выдающегося – обыкновенный мальчишка, но Иринка разглядела в нём

внутреннюю силу, несгибаемую волю и неприкрытое чувство независимости. Она хорошо запомнила, как четыре года назад Павел бился с тремя старшеклассниками не на жизнь, а на смерть. Причины так никто и не узнал, хотя «пытали» Пашку всем хором: и учителя, и родители, и даже друзья-товарищи. Пашка молчал, как партизан. С той самой драки всё мужское население школы Павлика зауважало, и никто не пытался его задирать. Сам герой не кичился ставшей известностью, как будто и не было поединка – он просто о нём забыл. А вот Иринка не забыла – с того самого дня она знала, что за Павликом, как за каменной стеной... и ждала. Долгое ожидание вознаградилось сегодня. Как он сказал? – «ты летела мне навстречу, и крылья за спиной были совсем прозрачными». А ведь она действительно летела к нему, не чуя ног. Каждый день она мечтала о встрече именно на своём любимом лугу. «Меня будто кто позвал», – удивился Павел. Это я, я тебя звала, а ты услышал!..

Ой, что ж сию, скоро пять, сказал «приду». Надо встретить, как положено, пусть не с пирогами, но с оладьями точно! Девушка очень волновалась: сегодняшней визит Павлика она воспринимала как первое свидание, пусть и очень своеобразное...

Он пришёл ровно в обещанное время, неся за плечами рюкзачок с книгами. Иринка засуетилась, быстро сняла фартур, поправила растрепавшиеся волосы.

– Проходи, Павлик, прямо на кухню и проходи. Сначала чай попьём, а потом уж за уроки возьмёмся.

– А чем у тебя так вкусно пахнет? – Павел поставил рюкзачок у косяка входной двери и шагнул в кухню

– Я оладьи нажарила на скорую руку. Ты с чем любишь – с мёдом, сметаной или вареньем?

– Наверное, с вареньем. А какое варенье?

– Грушевое, прошлогоднее, правда. Ты садись, чего стоишь?

Павел присел к столу и наблюдал, как Иринка проворно накрывала на стол. Всё в её руках спорилось ладно и красиво. Представив на её месте Эльвиру, Пашка хмыкнул.

– Я что-то не так делаю? – замерла Иринка.

– Что ты, Ира, наоборот, любо-дорого посмотреть. Просто я вспомнил, как Димка сегодня Эльку гусыней назвал и так похоже изобразил... Ой, прости, не надо было об этом...

– Да нет, действительно смешно. Хороший у тебя братишка.

Иринка уже налила чай в чашки и пододвинула блюдо с оладьями поближе к гостю.

– Да уж, правильный не по годам. Представляешь, сказал, что отобьёт тебя у меня, когда вырастет.

Рука девушки, накладывающая варенье в розетку, замерла.

– Как это – отобьёт? Разве... есть надежда?

– Есть, Ира, – тихо молвил Павел. – Я сказал уже, что ан-

гелом ко мне прилетела ты. Только хранителем я буду твоим.
Ты согласна?

Павел смотрел так серьёзно и требовательно, что Иринка поняла: ответить надо так же серьёзно и без промедления.

– Ты не просто пришёл сегодня на поле, Павлик – это я позвала, а ты услышал... Я летела к тебе на крыльях, а ты сумел разглядеть их... У крыльев моих имя есть, и, если ты отгадаешь его, то всю жизнь охранять меня будешь.

Иринка зарделась от собственного смелого ответа, опустила глаза и задержала дыхание – а вдруг её смелое признание не понравится избраннику сердца? Вдруг вот сейчас он встанет со стула и уйдёт, и рюкзачок прихватит? Ей стало так страшно, что румянец схлынул с щёк, а в глазах стало темно.

– Мне незачем гадать, Иришка, я знаю: на крыльях только Любовь можно принести... Э-э-э... ты чего так побледнела? Не пугай меня, пожалуйста... вот – скушай оладышек... знаешь, какой он вкусный... а если с вареньем, грушевым, то ещё вкусней. Ты открой ротик, откуси кусочек... Ну, что?.. Вот, чаем запей... Вкусно? Я же говорил, что вкусно, а ты не верила!

Пашка с таким усердием (видимо, от страха) потчевал Иринку оладьями, что та весело рассмеялась:

– Павлик, как ты можешь знать, если сам не съел ещё ни одного?

– Правда? Действительно, не съел. Что-то я, кажется, упустил, – и запихал румяную пышечку целиком в свой рот.

Уже через полчаса они сидели рядышком голова к голове за изучением темы о русско-японской войне 1904 года.

– Какое позорное поражение, – вздохнула Иринка. Стыдно, наверное, Николаю было перед собственным народом.

– Не знаю. Об этом нигде не пишут. Я вот думаю, что из всех царей, в период правления которых Россия терпела крах в войнах, стыдно было только одному.

– Кому же?

– Ивану Грозному.

– Павлуша, а разве Россия терпела поражения в войнах?

– А ты как думаешь? Конечно. Ты найди хоть одно государство в мире, которое бы выигрывало все свои войны – не найдёшь. А Россия не исключение тоже. Я как-то встретил в интернете статью о том, что за всю историю Россия терпела поражение в десяти войнах.

– В десяти? А я и не знала. Расскажешь?

– К сожалению, я не все запомнил, но об основных знаю. Вот, например, царь Иван Грозный терпел поражение при завоевании Казани. Русские воины только со второго или третьего раза взяли Казань основательно и навечно. Царь лично участвовал в сражении, а потом долго молился за всех погибших, беря на себя вину за их гибель.

– Да, Грозный был очень набожным человеком. А ещё?

– Ну, в Смутное время после смерти Грозного Россия уступила Польше и Швеции... Пётр Первый в русско-турецкой войне потерял весь южный флот и выход к Азовскому

морю.

– Пётр Первый? Не может быть!

– Ещё как может, Ириша! А Крымская война? Царь Александр Второй пошёл против Турции за господство в Чёрном море и на Балканах. Ты представляешь, что потеряла Россия? Ей запретили иметь в Чёрном море военный флот, она вернула Турции все захваченные территории.

– О Крымской войне я читала, но запомнила только то, что поражение дало толчок реформам Александра Второго и отмене крепостного права.

– Верно, нет худа без добра. Или лучше сказать: не было бы счастья, да несчастье помогло? Дальше перечислять?

– Конечно, Паш, вдруг вопрос какой попадётся.

– Вот русско-японская война, о которой мы начали читать... А давай я тебе потом расскажу об этой войне? Один из моих предков, сколько-то раз прадед, в ней участвовал.

– Правда? Как интересно! А сохранилось что-нибудь? Фотографии, например.

– Мало – только кортик и медаль.

– Ого! Покажешь?

– Покажу. У отца спрошу, он бережёт эти реликвии, как зеницу ока. Кстати, на одной стороне медали изображён глаз. Я посмотрю в интернете, что он означает, и расскажу.

– А дядя Миша не знает?

– Нет. Я спрашивал... Пошли дальше. О Первой Мировой войне ты, конечно, знаешь.

– В последнее время о ней много пишут, потому что отмечали столетие со дня её начала. Рассказывали, что в 1918 году Россия отказалась от восьмистах тысячах квадратных километрах территории с потерями сельскохозяйственной и промышленной баз страны с населением в одну треть всего населения Российской империи и с восстановлением ущерба в силу мирных договорённостей в размере миллиарда рублей. А людей-то передали, как крепостных – ужас!

– Верно. А спорим, что ты даже не слышала о Советско-польской войне!

– Советской?

– Именно!. Она началась в 1918 году и позорно закончилась в 1921-ом. Причины поражения понятны – страна ослаблена революцией и Гражданской войной. Польша тогда получила Западную Украину, Западную Белоруссию. Мало того, Россия обязалась вернуть Польше все культурные ценности, вывезенные с её территории, начиная с 1772 года, и с уплатой ущерба в тридцать миллионов золотых рублей. Сейчас те, кто этого факта не знает, заявляет, что Россия захватила эти территории. А ведь она просто вернула старые границы.

– Об этой войне я ни в одном учебнике не встречала.

– И не встретишь, потому что правительство большевиков просто вычеркнуло сей позорный факт из истории становления советского государства. Уже после Великой Отечественной СССР вернул все потерянные территории, но какой це-

ной и какими последствиями?

– А были ещё и последствия?

– Иришка, ты разве не знаешь, что сейчас происходит в Украине?.. Ну, это уже новейшая история, и когда-нибудь уже наши праправнуки будут оценивать это время.

– Ты так много знаешь, Павлик! А мне уже и страшновато становится: вдруг не сдам ЕГЭ по истории? Оказывается, я полный профан!

– Да успокойся ты, Ирка! Скорее всего, вопросов о поражениях русских в войнах в билетах даже не будет – у нас теперь курс на поднятие патриотического воспитания подрастающего поколения – итак за последние двадцать лет в этом вопросе много упущено и потеряно. А мне очень нравится военная тематика в истории, потому и знаю.

– А я даже не задумываюсь, почему люблю историю. Можно сказать, что меня больше увлекает археология. Представь: существовало много веков государство и вдруг исчезло! А ведь в городах и поселениях жили люди, работали, женились, растили детей, умирали...

– Кто собрался умирать? – спросила пришедшая с работы мама Иринки Наталья Степановна.

– Никто, мама! Это мы с Павликом готовимся к экзамену по истории, рассуждаем...

– Здравствуйте, тётя Наташа, – поздоровался Павел, встав со стула. – Ира, я пойду, пожалуй. Книги не буду забирать, пусть лежат до завтра. Ты не против?

– Пусть, они не мешают.

– А что ж ты, Павел, не поужинаешь с нами? – спросила хозяйка.

– Спасибо, тётъ Наташа, я бы не отказался, но мне ещё проверить надо, выучил ли Димка уроки. Он хоть и правильный, но жутко забывчивый.

– Ну, как знаешь. Доченька, помоги мне на кухне, устала я что-то сегодня...

– Да, мама, ты отдохни пока, я всё сама сделаю, только Павлика провожу до калитки...

На следующий день Павел проснулся рано: ему необходимо было поговорить с отцом.

– Пап...

– Слушаю тебя, сын мой, – отец плескался под струей воды. – Что-то ты раненько сегодня поднялся, ещё и шести часов нет. Случилось что?

– Ничего не случилось. Спросить хочу...

– Спрашивай. Если есть вопросы, значит, работают мозги.

– Понимаешь, мы с Иринкой готовимся к сдаче ЕГЭ по истории и вчера добрались до темы о русско-японской войне. Ты говорил, что наш предок в ней участвовал. Это по твоей линии или по маминой?

– По моей.

Отец уже умылся и сидел за кухонным столом в ожидании

завтрака.

– Он сколько раз прадед?

– Если мне три раза, значит, тебе четыре раза пра-...

– А как его звали?

– Петром Алексеевичем.

– Он погиб?

– Нет, выжил. Он служил на суше в Порт-Артуре. Я точно не знаю, но он не был рядовым матросом.

– Почему.

– Что за вопрос? Сам мог бы догадаться, что кортики простые рядовые матросы не получали. И медаль, которой он был награждён, в серебряном исполнении.

– Да, я видел, ты нам показывал. Вот в связи с этим у меня к тебе огромнейшая просьба: разреши показать их Иринке.

– Отчего ж не показать? Молодёжь должна своими ушами слышать о подвиге предков и своими глазами видеть их заслуги.

– Папа, какой же это подвиг, раз наши не отстояли Порт-Артур?

– Дорогой сын, а ты подумай: готовность служить Отечеству, и не просто служить, а знать, что ты можешь отдать самое бесценное, что у тебя есть – жизнь, это уже подвиг. И совсем не важно, выиграл ты или проиграл – ты сознательно подставлял грудь, как щит, чтобы врага не пропустить, остановить. Тут уже о подвиге не думаешь.

– Я об этом как-то не задумывался. Я думал, что подвиг –

это выигрыш.

– Ну, ты загнул! А о подвиге Александра Матросова во Второй Мировой войне ты слышал? Он ведь погиб, закрыв своей грудью немецкую амбразуру, будучи чуть постарше тебя. Неужели он думал о выигрыше? Он о Родине думал. Читать надо больше, сын.

– Ты совершенно прав, папа.

– Пусть мама тебе шкатулку откроет – смотрите и вникайте.

– Спасибо, папа.

Отец стал готовиться к выходу на работу, а Пашка пошёл будить младшего брата, который ещё сладко посапывал в своей кровати...

Как же долго тянутся уроки! Кажется, звонок не прозвонит никогда, а в рюкзаке Павла лежит заветная шкатулка с военными регалиями начала двадцатого века, и ему не терпится показать их Иринке. Все три урока Павел не сводил глаз с любимой девушки, сидящей к нему вполоборота. Она же чувствовала взгляд, и яркий румянец не сходил с её щёк... Ну вот и долгожданный звонок на большую перемену! Подхватив рюкзак, Павел подошёл к Ирине.

– Я принёс кортик и медаль, Ира. Пойдём в холл, я покажу их тебе.

Они устроились на банкетке у окна, и Павел извлёк из рюкзака шкатулку чёрного дерева, инкрустированную

слоновой костью, пожелтевшей от времени, и размером около сорока сантиметров.

– Какая прелесть! – восхищённо воскликнула девушка.

А Павел уже поднимал крышку. Внутренность её была отделана бархатом тёмно-вишнёвого цвета, а на доньшке лежали кортик в ножнах и медаль на Александровско-Георгиевской ленте.

– Можно подержать? – спросила Иринка.

– Конечно, – улыбнулся Павел.

Поверхность медали уже почернела от времени. Наверное, её надо было чистить хотя бы раз в год, но поскольку это была всё-таки реликвия, её просто выносили иногда на свет божий и добрым словом вспоминали далёкого предка.

– Тяжёлая. Из чего она сделана, Павлик?

– Это серебряная медаль. Она была предназначена для защитников Квантунского полуострова, где находился Порт-Артур. Вообще-то были изготовлены три варианта медалей – из серебра, светлой меди и тёмной меди.

Посмотри, Ира, на лицевой стороне изображено «всевидящее око», окружённое лучами.

– Интересное изображение. Почему именно око?

– Я обещал тебе поискать в интернете – я нашёл. Всевидящее око появилось в русской иконописи в конце восемнадцатого века как символ Всевидящего Бога. Сначала оно применялось, как купольное изображение в Храмах на вершине свода, а потом стали выполнять на доске как икону. Основа-

нием такого изображения являются слова... подожди, я записал... вот: «Вот око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его».

– Сложно-то как. Я бы применила к медали только вторую часть – «...уповающими на милость Его». А Треугольник причём?

– Ну, также Всевидящее око может символизировать изображение Всевидящего Божьего Глаза, вписанного в треугольник. Это как бы символ Троицы, но он не канонизирован.

– Неправильное какое-то решение: надо было вместо даты так и написать под глазом – «Уповаем на милость Твою». А дату поместить на обратной стороне медали, где надпись «Да вознесёт вас Господь в своё время». Сразу было бы понятно, что это для погибших в 1904—1905 годах.

– Ириша, не все же погибли...

– Всё равно что-то не так... Паш, если честно, я бы побоялась носить медаль с такой надписью...

– Почему?

– Ты сам посуди: как будто человека заранее отправляют в мир иной. Он ещё не погиб, а его уже наградили – как-то противоестественно.

– А ведь ты в чём-то права, Ириша. Знаешь, ведь война ещё не была окончена, а чиновники-штабисты уже составили доклад на имя царя о необходимости создать особую медаль для участников войны. Предложили надпись «Да Вознесётъ

Вась Господь». Николаю Второму эта надпись не понравилась, и он написал на полях доклада: «В своё время доложить». Думаю, что он имел ввиду окончание войны, но чиновники во все времена были чиновники – убрали слово «доложить» и поспешили отчеканить медаль так, как она потом стала выглядеть. Хотя самый первый вариант медали имел надпись «Да Вознесетъ Васъ Господь».

– И правда *особая* медаль, необычная. Ей теперь, наверное, цены нет.

– Цены нет первой медали – вот она, действительно, раритет. А вторая медаль идёт у коллекционеров от полутора до пяти тысяч рублей. Но я хочу сказать тебе вот что – это я так думаю – *этой медали цены нет!* Столько народу погибло в войне! И ради чего? – ради амбиций империи? За передел рынка сбыта? За влияние на чужой территории? Зачем? Почти сто сорок тысяч человек погибло за два года! Воистину правда: на чужой каравай рот не разевай!

– Успокойся, Павлик! Ты мне покажи кортик.

Не дожидаясь, Ирина осторожно вытянула клинок из ножен.

– Смотри, Паша, на клинке Андреевский флаг... а на самом лезвии гравировка имеется... – Девушка поднесла клинок поближе к глазам. – Девиз какой-то...

– Ты прочти, прочти. Может вспомнишь что...

– «Жизнь – Отчизне, Душу – Богу, честь – себе». Ой, так это же девиз гардемарин из кинофильма!

– Да. Только они говорили: «Честь – никому».

Иринка вдруг прижала кортик к груди и очень странно посмотрела на Павла – отрешённо, отстранённо, будто окунулась в далёкое прошлое время. Парню было знакомо состояние подруги: он сам впал в точно такой же ступор два года назад, поэтому терпеливо ждал, когда Ирина очнётся.

Первый предупреждающий звонок оповестил об окончании перемены. Иринка поспешила положить кортик в шкапулку и, встав, наткнулась на насмешливый взгляд Эльвиры, которая стояла напротив, как всегда, в окружении школьной свиты.

– О-о-ой, – протянула она, – посмотрите-ка на этих воркующих голубков! Тили-тили тесто – жених и невеста! Что ж ты, Павел, решил под конец учёбы изменить мне? Променять на эту курицу? Не пожалеешь ли? А-ха-ха! – вымучила она из себя явно завистливый смешок и оглядела окружающих, не призывая, а приказывая посмеяться вместе с нею.

Свита угодливо захихикала, а Иринка, вспыхнув, быстрым шагом направилась в класс. Павел неспеша положил шкапулку в рюкзак и спокойно отреагировал на выходку Эльвиры:

– Я вот всё смотрю и никак не пойму, чего в тебе больше, Эля, – злобы, зависти или... глупости. Красивая ты, но тупая и безмозглая, как... египетская мумия. Как же я раньше этого не замечал?

Он уже не видел отвалившейся челюсти Эльвиры, ис-

пуганных глаз подружек и не услышал злобного шипения: «Ты горько пожалеешь о своих словах, Павел Синельников, И очень даже скоро. Не быть по-твоему!».

– Ириша, я приду к четырём часам на луг, жди меня там, – говорил Павел после уроков, держа подругу за руку. – Подождёшь?

– Подожду.

Ирина не отнимала руки. Они стояли на виду у всей школы и не замечали никого. Казалось, вся Вселенная принадлежит им одним...

«Что может быть роднее рук любимой?» – тот, кто держал ладошки желанной девушки в своих, знает, что именно через них передаётся колокольный стук сердца, трепетное томление души, не остывающий жар тела, доселе неизведанный – и нежная мелодия любви двоих сливается в единый гармоничный дуэт.

Прошла мимо Эльвира, услышала первые слова Павла, остановилась, подняла на лоб бровки, кивнула головой, спрятала зловещую ухмылку и торопливо направилась к выходу из школы.

– Паша, вы домой идёте или до вечера тут стоять будете? – тронул брата за рукав пробежавший мимо Димка. – Если до вечера, то я вам покушать сюда принесу.

– Димка, – пришёл в себя Павел, – ах ты ж моська!

– Какая же я моська? – возразил «правильный» Димка. – Я не ругаюсь, а забочусь о вашем совместном здоровье... Ира, мы тебя до дому проводим. Да, Паша? – И, не дожидаясь ответа, ухватился за руку девушки.

Так они и пошли: посередине смеющаяся счастливая Ирина, а по бокам – сдержанно улыбающийся Павел и безумолку трещащий его младший брат Дмитрий...

Пообедав, Павел полез на крышу сеновала залатать дыру в рубероиде, которая образовалась от частых Димкиных посещений. Отец отругал младшего, а заодно попало и старшему. Закончив работу, Павел растянулся на прошлогоднем сене и незаметно для себя уснул. До встречи с Иринкой оставалось добрых полтора часа. Разбудил его жалобный голос братишки:

– Паша! Ну, Пашка! Где же ты? Отзовись, Пашечка... Беда у порога, а ты запропал куда-то... – и вдруг заорал истошным голосом, – Пашка, забери тебя комар!!! Где же ты?! Дом-то открыт!

– Ты чего орёшь, Дима? – высунулся Павел в чердачную дверь. – Что случилось? О какой беде ты говоришь?

– Прыгай быстрее вниз! Беда, беда случится!

– Не ори! Говори толком, по порядку!.. Успокойся, говорю!

– Пашечка, миленький, мы с Васькой у болота лягушек

ловили, а потом туда заявила Элька, а потом пришли Гаврила с Сёмкой. Мы испугались и спрятались, но видели, как Элька им деньги дала... много денег... Мы с Васькой удивились, подумали, что купила она у них что-то, у этих бандюганов, а она... она... ой, братик, она приказала им что-то плохое с Иринкой сделать!

– Что???

– Я не знаю, Паша, мы не расслышали! Сказала, что потом ещё денег даст. Мы с Васькой совсем испугались, а когда Сёмка с Гаврей ушли, мы к тебе побежали.

– Куда они пошли, слышали?

– Элька сказала, что Ира будет ждать тебя на лугу за фермой в четыре часа, поэтому она их послала раньше, чтобы до твоего прихода они успели...

– Когда это было? Ну, во сколько вы на болоте были?

– Я не знаю, но почти час уже прошёл... Что делать-то, Паша?

– К отцу бегите, быстрее!!!

Не слушая далее причитающего Димку, Павел кинулся в дом – на часах было около четырёх. Не успеть! Взгляд его остановился на шкатулке, стоящей посередине круглого стола. Кортик! Со скоростью звука нёсся парень на луг, и только одно слово повторялось: «Успеть, успеть, успеть!..»

Иринка с обречённостью смотрела на надвигающихся местных бандюг Семёна и Гаврилу, которые уже час гоняли её

по лугу. Сил сопротивляться больше не было. То неизбежное, что должно случиться, неотвратимо приближалось.

– Ну что, девица-красавица, готова? – ухмылялась противная, заросшая недельной щетиной, рожа Гаврилы. – Мы сначала «поиграем» с тобой немного – первый я по старшинству, а потом Сёмка, а уж затем ты упокоишься на дне болотца – и концы в воду...

– Что я вам сделала плохого? За что вы со мной так? – проговорила оттянув время девушка: она ждала появления Павла с минуты на минуту.

– Нам лично ничего, а вот однокласснице своей Эльвире ты где-то на хвост наступила. А нам что? Деньги уплачены, а они не пахнут.

– Эльвира, значит?.. Не одноклассница она мне – змея подколотная – всё мало ей, всех бы под свой каблук загнала... Павла она потеряла, не держится он за её юбку более, вот на мне отыграться решила!.. Проклинаю! Её проклинаю, вас проклинаю!!!

– Нам без разницы, за чью юбку Пашка держится – о нём разговору не было. И проклятия нам твои тоже без разницы.

– Ну, хватит! Заткнись, Семён! Некогда нам! Не жрали ещё, – рывкнул Гаврила и буром пошёл на съжившуюся от страха девушку.

– Эй, вы! – раздался за спиной насмешливо-дрожащий голос, – запыхались? Углекислый газ в крови преобладает?

Семён с Гаврилой обернулись на голос. Павел стоял в трёх

метрах от них, широко расставив ноги.

– А тебя кто звал сюда? – сжал кулаки Семён. – Проваливай отсюда! Третий лишний.

– Чего ж проваливать? Может, я именно третьим хочу быть?..

– Не-е-ет!!!

Голос Иринки был таким звонким и страшным одновременно, что оба бандита зажали уши и закрыли глаза, чем воспользовался Пашка. Он подскочил к девушке и быстро сказал:

– Ириша, ты беги, беги в лес, я постараюсь их задержать. Димка с подмогой скоро будет. Да беги же! Меня в живых не оставят, так хоть ты спасёшься.

– Я не могу тебя оставить, Павлик!

– Беги, говорю! Ну!..

Убедившись, что Иринка стрелой помчалась к лесу, Пашка выхватил из-за пазухи кортик и развернулся лицом к сельским отморозкам.

– Ну, кто из вас посмелей? Подходи! Одного я точно отправлю на тот свет, не сомневайтесь!

– Ты что это, паря, ножичком махаешь? Тоже мне, защитничек! Ты курицёнку хоть раз голову сворачивал? Думаешь, так легко убивать? Не дури! Дай пройти! – Гаврила кивнул Семёну, и они разошлись, стараясь обойти Павла с двух сторон.

«А ведь он прав, – подумал Пашка, – убить не смогу, надо

тянуть время...»

– О чём я думаю, тебя, Гаврила, не касается, но, если придётся убить – убью, не задумываясь!

– Ха-ха-ха! Аника-воин! Это мы сейчас проверим. Сёмка, заходи сзади.

Но Сёмка, глядя куда-то за спину Павла, протянул руку:

– Глянь, Гавря, чего это девка лежит?

– Иринка? – Пашка обернулся в ту сторону, куда указывал

Сёмка.

Девушка действительно лежала у кромки поля, не двигаясь. Павел, отбросив кортик, со всех ног помчался к ней.

– Что с тобой, родная моя? – опустившись на колени, он приподнял её голову и ощутил, как рука покрылась тёплой липкой кровью.

«Не может быть! Такого просто не может быть!» – лихорадочно пронеслось в голове. Бережно перехватив другой рукой голову Ирины, Павел нащупал острый угол камня, лежащей на поверхности земли аккурат под головой девушки. Споткнулась!.. И уже не дышит... В отчаянии, понимая, что ничем помочь не сможет, Павел гладил Иринку по голове, поправлял растрепавшиеся волосы, целовал ещё тёплые губы, что-то шептал-приговаривал и не слышал, о чём переговаривались за его спиной Сёмка с Гаврилой.

– Слушай, а ведь этот хмырь – свидетель.

– Принесла его нелёгкая на нашу голову...

– На свою голову! – мочить его надо.

– Чем мочить? Душить что ли?

– Ты, Сёмка, только сегодня дурак или всегда им был? –

Гаврила поднял с земли кортик. – Хорош ножичек! Один удар – и свидетеля нет!..

Узкий, обоюдоострый клинок вошёл в спину Павла, как в масло. Гаврила рассчитал точно: острое достигло цели – сердце юноши трепыхнулось ещё пару раз и остановилось навсегда...

На лугу среди зелёной травы стрекотали кузнечики, беззаботно порхали бабочки, гудели шмели; в небе белые облака-барашки догоняли друг друга, иногда закрывая собой солнышко – всё, как всегда, из года в год, из века в век. А посреди жёлто-зелёного великолепия лежала юная Иринка в лёгком белом платье. Рядом – её первая и последняя любовь Павел, рука которого покоилась на её девичьей груди. Голова к голове, рядом, вместе навсегда.

Они уже не видели, как прибежавшие из мехмастерской мужики скрутили не успевших уйти Гаврилу с Семёном. Они не чувствовали, как бережно по очереди их несли на руках до села друзья Михаила Синельникова. Они не слышали рыдания безутешных матерей своих. Они не могли рассказать, что не позволили Эльвире Шумской растоптать честь и достоинство только что зародившегося чувства, чувства, которое любовью зовётся...

Прошёл год. На сельском кладбище за красивой кованой оградкой на могиле стоит надгробие. Одно надгробие на два медальона, с которых смотрят улыбающиеся Иринка и Павел. На надгробии нет избитых слов «помним, скорбим», зато ярким золотом светится надпись «Да вознесёт вас Господь...» На лавочке внутри ограды сидит мужчина с совершенно седой головой в свои сорок лет и одиннадцатилетний подросток. Они принесли вазу с большим букетом жёлтых мохнатых одуванчиков.

– Папа, – грустно сказал Дмитрий, – я никому не рассказывал, но ты мне поверь: я видел... тогда... на лугу, как над Пашей и Иринкой летали два ангела. У них были тонкие прозрачные крылья и белые одежды... Ты мне веришь, папа?

– Верю, сынок.

Отец верил, потому что и сам видел этих небесных существ, которые, взявшись за руки, медленно вознеслись туда, куда живым нет дороги... До своего времени...

Сентябрь-октябрь 2016

п. Ягодный.

ЗИМНИЙ ДНЕВНИК БАБУШКИ

КОНЕЦ НОЯБРЯ

Начало зимы в этом году выдалось какое-то непушистое. Прошлая хвасталась своими двухметровыми сугробами, а эта всё ещё пребывает в зачаточном состоянии. Зато в парке, что виден из моего окна, все игровые сооружения готовы к детским забавам: всего-то семьдесят сантиметров снега выпало – разве это снег!?

Аккурат на 30 ноября чья-то добрая, заботливая взрослая рука ёлочку в парке на радость детишкам установила и мишурой украсила. Только мишура эта слабенькой перед поднявшимся ветром оказалась, осталась только та, которая за иголочки зацепиться накрепко смогла. Я бы об этом не знала, но дальняя соседка СМСку по интернету прислала:

– Верванна ты не знаешь случайно кто ёлочку в парке поставил?

– Понятия не имею, – пишу – Может, Любовь Ивановна? Это только она позаботиться может. Ёлочка-то – живая или искусственная?

Через минуту пришёл ответ:

– Живая Вера Ивановна живая... в мишуре и ветром потрёпанная.

Замечательный ответ!!! Соответствует перипетиям жизни...

ДЕКАБРЬ

Зима в этом году выдалась непушистая, но морозная и даже дождливая. Середина месяца «порадовала» нас тридцатью семью градусами ниже нуля. Мой любимый муж, обожатель всяческих пословиц-поговорок и частушек, как-то, глянув на уличный термометр, жизнерадостно произнёс:

- В зимний холод всякий молод!
- Не может быть! – засомневалась я.
- Может! – заверил меня дед.

Да, я совсем забыла сказать, что друг друга мы зовём «дед» и «бабушка», чтобы внуки не путали нас с родителями.

- Докажи! – потребовала я.
 - А запросто. Когда тебе холодно на морозе, ты что делаешь?
 - Домой иду, в тепло.
 - А если далеко от дома?
 - Прыгаю, в ладоши хлопаю.
 - Вооот... А дома в тепле ты прыгаешь?
 - Ещё чего?! Сам знаешь, мои ноги давно отпрыгались, болят
 - Ага, в тепле болят, а на морозе прыгаешь, как молодая!
- Дальше: на морозе у тебя щёки какого цвета?
- Красного.

– Вооот... Румянец во всю щёку, как у молодой – кровь с молоком!

– Ну и что? Это ещё ничего не доказывает! На морозе у меня и нос красный, но это же не значит, что я алкоголичка! – контраргументировала я.

– Береги нос в большой мороз! – вроде как к месту вспомнил дед пословицу. – Ты, бабка, хрен с редькой-то не сравнивай!..

– Чего это – не сравнивай? – возразила я. – Нос и щёки на одной поверхностной территории расположены.

– И что?

На меня через стол глядели удивлённо- круглые синие глаза деда.

– А ничего. Между ними знак равенства не поставишь.

Ничего не поняв из моего ответа, любимый дед замолчал...

ЯНВАРЬ

Зима в этом году выдалась очень странная: в начале декабря выпал обильный снег, а потом два дня шёл дождь. Утром же следом за дождём термометр выдал минус двадцать градусов, и по гладкой ледяной дороге детишки в школу на коньках пошли. Климат сошёл с ума. Сосед наш, однако, успел в огороде слепить снеговика и построить горку для внуков. Я снеговика не заметила, пока дед частушку не пропел, сидя возле печки:

Чудо-бабу я поймал,

Обнимал и целовал.

Думал, она нежная,

Оказалось – снежная.

– Где? – поинтересовалась я.

– Что «где»? – поинтересовался дед.

– Не «что», а кто. Баба эта снежная где?

– Так бы и спросила. У соседа в огороде стоит.

– Снеговик что ли?

– Я и говорю: снеговик.

– Ты сказал: «баба»!

– Да какая разница? Ты чего цепляешься к словам? Иди, сама посмотри в окно – красивенький.

Я, конечно, пошла в спальню деда, окно которой выходит в огород соседа. Из кухонного не видать – загоражива-

ет куст ирги – и увидела: стоит рядом с горкой малюсенького росточка снеговичок. Без носа-морковки, без головного убора, лысенький такой... Разве это чудо? Вся агрессивная ревность моя тут же улетучилась Вернулась в кухню, а дед сидит возле печки, смехом заливается, ехидно так хихикает. Вопросительно смотрю на него поверх очков. А тот, поняв мой вопрос, так ласково-нахально говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.